

№ 23

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

К. ВЕЙЕРМАНЪ. Гр.

Цѣна на годъ съ дост. . . . 6 р. — к.

безъ дост. . . . 5 » — »

На полгода. 3 » 50 »

На три мѣсяца. 2 » — »

Редакція: Малая Подъяческая, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Черноземная равнина. Модеста Богданова. — II. Черноземная почва. * * — III. Пѣсни объ урожаѣ. (Стих.). Н. Панова. — IV. Коралловый островъ на Тихомъ океанѣ. А. С—вой.

ЧЕРНОЗЕМНАЯ РАВНИНА — ЖИТНИЦА РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

Общій взглядъ на русскія равнины. — Тундра. — Тайга. — Черноземная равнина. — Арало-Каспійская пустыня.

ШИРОКО раскинулась родимая Русь: отъ моря Балтійскаго до Тихаго океана; отъ Ледовитаго океана до моря Чернаго, до Ефрата и Персіи, до великой горной системы Памира, до стѣнь и пустынь Китая.

Непроглядны ея лѣса дремучіе, необъятны ея степи привольныя; серебристыми лентами катятся рѣки многоводныя;

неисчерпаемая богатства таятся въ нѣдрахъ земли; множество звѣрей и птицъ обитаетъ въ лѣсахъ, поляхъ, степяхъ и по берегамъ водъ; рѣки, озера, моря кишатъ рыбами.

Да, велика и обильна земля русская! Шестую часть суши земной захватила она. Это величайшая равнина міра, за обладаніе которой много было пролито крови, это поле отчаянной, тысячелѣтней борьбы славянскаго племени со всевозможными врагами: кочевниками и звѣроловами; съ татарами и нѣмцами; съ черкесами и шведами. Отбилась Русь, въ концѣ концовъ, осилила враговъ и широкимъ потокомъ разлилась по равнинамъ. Не пора ли намъ познакомиться съ этими равнинами, съ ихъ природой и обитателями.

Общій характеръ равнины, въ сравненіи съ горной природой, это безконечное разнообразіе. На десятки, на сотни, на тысячи верстъ повторяется одинъ и тотъ же пейзажъ, утомляя глаза путешественника. Оттого-то сложилось мнѣніе, что природа русскихъ равнинъ уныла и бѣдна; оттого, люди желающіе, въ свободное время, отдохнуть среди природы, полюбоваться ей, ѣдутъ въ страны гористыя — куда нибудь на Западъ—въ Швейцарію, въ Италію, потому что дома имъ кажется все сѣро, бѣдно, скучно. Пусть ихъ ѣдутъ; добрый путь имъ. А мы съ вами, гдѣ пѣшкомъ съ посошкомъ, гдѣ на тряской почтовой телѣжкѣ, не то на чугункѣ, или на пароходѣ—словомъ, какъ придется—постранствуемъ по роднымъ равнинамъ; посмотримъ ихъ однообразную природу; посмотримъ, какъ живетъ на нихъ человѣкъ, звѣрю, птицѣ и всякому другому живому существу. Познакомившись же съ тѣмъ, что есть на этихъ равнинахъ, сегодня попробуемъ дознать, что было на нихъ прежде и шагъ за шагомъ доберемся, можетъ быть, до далекой, сѣдой старины, куда не хватитъ никакая писаная лѣтопись. Если намъ удастся это, тогда однообразіе нашей родной равнины не будетъ болѣе утомлять насъ. Она встанетъ передъ нами во всемъ величій прошлаго, настоящаго и будущаго. И такъ въ путь! Чтобы не блуждать зря, составимъ планъ путеше-

ствія. Русская равнина велика до необъятности. Сразу нѣтъ возможности обозрѣть ее. Нужно осмотрѣться и выбрать одну какую нибудь часть.

Вотъ на далекомъ сѣверѣ, вдоль береговъ Ледовитаго океана, тянется отъ Лапландіи до Берингова пролива, широкой полосой, тундра. Это сѣверная степь, или пустыня. Это сплошное болото, покрытое ягелями, мхами, среди которыхъ ютятся травянистыя, цвѣтковыя растенія. Рѣдкіе кусточки карликовой березы и малорослой ивы, не поднимающихся выше полъ-аршина отъ земли, замѣняютъ здѣсь лѣса. Торфяная почва, прикрытая этимъ бѣднымъ, зеленоватымъ покровомъ, пропитана водой какъ губка. Разройте почву и на глубинѣ трехъ четвертей или одного аршина, встрѣтите мерзлую, ледяную землю, которая никогда не оттаяваетъ. Широкія, многоводныя рѣки: Двина, Печора, Обь, Енисей, Лена извиваются по тундрѣ и катятъ свои воды въ Ледовитый океанъ. Берега ихъ и острова рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ тундры, зеленью своихъ луговъ и лѣсочковъ. Южнѣе тундры, широкой полосой отъ береговъ Балтійскаго моря до береговъ Тихаго океана тянутся дремучіе, хвойные лѣса, которые въ Сибири зовутъ тайгой, а у насъ — борами.

Сплошной лѣсъ изъ сосны, ели, пихты, лиственницы, березы и осины занимаетъ всю эту полосу, придавая ей однообразный и суровый характеръ. Почва, на которой растетъ этотъ лѣсъ, состоитъ изъ смѣси глины и песка. Она богата влагой; но сколько ни копайте ее, здѣсь вѣчнаго льда уже не найдете. Дождевая и снѣговая вода въ изобиліи скапливается на поверхности почвы, отчасти пропитывая ее, стекаетъ во всѣ углубленія и образуются лужи, озерки и озера. Въ лужахъ и плоскихъ озеркахъ водяныя растенія постепенно образуютъ слой торфа; и въ концѣ концовъ озера превращаются въ сѣверныя моховыя болота, вполне сходныя съ тундрой. Но тамъ, гдѣ углубленія почвы значительны, озера остаются чистыми въ теченіе тысячелѣтій. Такими

озерами особенно богата западная часть Архангельской и Вологодской губерній, Олонецкая, Петербургская, Новгородская, Исковская и Тверская, словомъ, та часть русскихъ равнинъ, которая извѣстна подъ именемъ Озерной области, гдѣ, тысячу лѣтъ назадъ, положено начало русскому государству.

Двинемся дальше на югъ. Переправясь на правый берегъ Оки, мы очутились въ другой странѣ. Эта таже равнина, но безчисленные рѣки, рѣчки и ручьи глубоко промыли свои ложа. Къ нимъ съ разныхъ сторонъ сходятся глубокіе, вѣтвистые овраги. Словно морщины изрыли эти овраги, долины и степныя балки гладкую поверхность равнины. Лѣса не тянутся здѣсь на тысячи верстъ. Они разсѣяны большими и малыми островами, среди широкихъ полей или узкими лентами выются по берегамъ рѣки и чѣмъ дальше на югъ къ Черному морю, тѣмъ меньше и меньше лѣсовъ; тѣмъ болѣе они скучиваются около рѣкъ или прячутся въ степныхъ балкахъ. Но вотъ мы добрались до Новороссійскаго края и лѣса въ конецъ исчезли, уступая свое мѣсто безконечнымъ хлѣбнымъ полямъ и остаткамъ нѣкогда бывшей степи. Но не эти лѣса, поля и степи, чередующіяся между собой, привлекаютъ вниманіе путника. Черный цвѣтъ земли прежде всего бросается въ глаза, когда мы отъѣдемъ немного отъ Оки къ югу. Это знаменитый своимъ неистощимымъ плодородіемъ черноземъ. Пластомъ болѣе или менѣе значительной толщины, черноземъ покрываетъ громадное пространство южной части русской равнины, отъ восточныхъ склоновъ Карпатъ до южныхъ отроговъ Урала; отъ береговъ Оки, Волги и Камы до Чернаго моря и сѣверныхъ подножій Кавказа.

Но если мы поѣдемъ прямымъ путемъ изъ Саратова на Оренбургъ, то съ удивленіемъ замѣтимъ, что здѣсь чернозема нѣтъ и вмѣсто его на поверхность земли выступаетъ желто-сѣрая глина и песокъ. Самая растительность имѣетъ иной характеръ. Животныя, бѣгающія по пескамъ и глинамъ,

совершенно не похожи на тѣхъ, которыя живутъ на черноземной степи; это особая своеобразная область, называемая Арало-Каспійскими пустынями.

Черноземная равнина.

Значеніе ее для Россіи: пространство, населеніе, хлѣбная производительность.— Рельефъ и высота равнины. Большія рѣки ея.— Овраги; ихъ происхожденіе.— Работа дождевой воды.— Родники и крѣпости; ихъ происхожденіе и значеніе для страны.— Рѣчные долины.— Поемные луга.— Озера и болота. Превращеніе озеръ въ болота.— Заростаніе болотъ.— Черноземъ.— Его происхожденіе.— Общее понятіе о степяхъ, лѣсахъ, о лугахъ и болотахъ.

По своему великому значенію въ жизни русскаго народа, въ исторіи нашего государства, и въ его будущемъ выше всѣхъ стоитъ область чернозема. Чѣмъ она важнѣе другихъ частей нашего отечества, пояснить нетрудно.

Область чернозема захватываетъ слишкомъ 26 губерній. Поверхность ея равняется приблизительно—130—135 милліоновъ десятинъ, на которыхъ живетъ около 43 милліоновъ русскаго народа, изъ которыхъ 3.600,000 горожанъ, а остальные живутъ въ селахъ и деревняхъ. Главный ихъ промыселъ составляетъ земледѣліе.

Пашни считается въ черноземной области около 55 милліоновъ десятинъ.

Какъ велика производительность черноземныхъ полей видно изъ того, что напр. въ 1879 г. во всѣхъ шестидесяти губерніяхъ Европейской Россіи собрано хлѣба 216.930,000 четвертей; изъ этого количества въ 26 черноземныхъ губерніяхъ собрано около 150.000,000 четвертей. Слѣдовательно остальные 34 губерніи дали только 66 милліоновъ четвертей. Эти цифры ясно указываютъ, что черноземная область—есть житница земли русской; и только благодаря ей, Россія ежегодно отправляетъ за-границу отъ 30 до 42 милліоновъ четвертей хлѣба, не считая овечьей шерсти и др. продуктовъ.

Побродимте по черноземной равнинѣ, познакомимся съ ней, съ ея природой и обитателями. Ровно тысячу лѣтъ назадъ, въ 882 году вѣщій Олегъ занялъ Кіевъ и провозгласилъ „се буди мати градомъ русскимъ.“ Сбылись вѣщія слова. Болѣе восьми вѣковъ на черноземныхъ поляхъ русскіе люди бились съ врагами, отстаивая свое государство; и отстояли. Но, не будемъ забѣгать впередъ. Еслибъ составить рельефную карту Россіи, то черноземная область оказалась бы плоской возвышенностью среди равнинъ Европейской Россіи. Правда, возвышеніе ея подъ другими частями равнины слабо, отъ 10 до 80 сажень; но все же это возвышеніе есть. Средній уровень равнины надъ моремъ можно принять въ 80—100 сажень; но нѣкоторые немногіе пункты возвышаются до 150 и даже до 200 сажень.

Всѣ большія рѣки черноземной области прорѣзываютъ ее поперегъ, по направленію меридіана, и текутъ на югъ въ моря Черное, Азовское и Каспійское; какъ напр. Днѣстръ, Бугъ, Днѣпръ, Донъ, Волга. Изъ нихъ Днѣпръ и Волга берутъ свое начало въ озерахъ сѣверной области тайги, а черноземную область пробѣгаютъ своимъ среднимъ и нижнимъ теченіемъ.

Отличительная особенность черноземной области—отсутствіе большихъ озеръ. Да и малыхъ озеръ, и даже болотъ въ ней, сравнительно съ сѣверомъ, очень мало. За то вся поверхность равнины исчерчена безчисленными оврагами и балками, словно морщинами. Еслибъ взглянуть на черноземную равнину съ высоты птичьяго полета, то навѣрное припомнилось бы лицо старой, старой, доброй русской баушки-старушки. Дальше мы увидимъ, что это дѣйствительно равнина-старушка.

Что же это за морщины, что такое эти овраги и балки? По виду вамъ вѣроятно знакомы тѣ или другіе. Ыдешь полемъ, лѣсомъ или степью версту, другую, вдругъ приходится спуститься, по кособору, въ узкую ложбину или ущелье, глубиной въ нѣсколько сажень;—на днѣ извилистое ложе,

будто рѣчка бѣжала когда-то; но воды ни капли; переѣхавъ ее, снова по косогору поднимемся на верхъ, на ровную поверхность. Охъ, не любятъ эти овраги наши бурки и сивки. Тяжело коренной савраскѣ подниматься вверхъ по косогору, но все же тутъ помогутъ пристяжные карьки и воронки; а еще горше этого спускаться въ оврагъ; тутъ уже никто не-помога. Не даромъ сложилась поговорка „уходили сивку крутыя горки“. Мало что поражало такъ сильно иностранцевъ, путешественниковъ, какъ овраги и балки; рѣдкій изъ нихъ не говоритъ о русскихъ оврагахъ въ описаніи своего путешествія. Но, цѣны этимъ оврагамъ они не знали.

Оврагъ и балка это братъ и сестра, это дѣти одной матери—дождевой капли.

Засуха, бездождіе—явленіе обычное въ нашихъ степяхъ. Жарко печетъ лѣтнее солнце. Сѣверо-восточный вѣтеръ—суховѣй отнимаетъ послѣднюю влагу у раскаленной поверхности чернозема; почва трескается; поникають головками травы и хлѣбные стебли; тяжело дышать человѣку и звѣрю; потъ струится по лицу работника, сохнуть его губы, марить, говоритъ онъ. Жаждетъ земля; жаждутъ растенія; жаждутъ животныя. Но вотъ, на юго-западѣ, надъ самымъ горизонтомъ скопились бѣлыя облачка. Они синѣють, темнѣють, растутъ и поднимаются въ высь. Это уже цѣлая туча, темная, свинцовая. Шире, выше она растетъ и захватываетъ горизонтъ. Вотъ, вотъ уже четверть неба закрыта ею; затуманилось солнце. Какъ пелена задерживаетъ туча ясное, синее небо. Край ея уже надъ головой. Тишина, стоявшая въ воздухѣ, мгновенно смѣняется буйными порывами вѣтра, словно вырвавшася изъ-подъ тучи. То бросится вѣтеръ, какъ бѣшеный, подниметъ облако пыли, обдастъ ею все; то пахнетъ въ лицо влажной, холодной струей воздуха; то снова закружится теплымъ, сухимъ, пыльнымъ вихремъ. Пройдетъ нѣсколько минутъ, еще не успокоился воздухъ, расшевеленный вѣтромъ-шалуномъ, тяжело, какъ свинцовыя пули, шлепнутся въ землю, ударятъ въ лицо первыя крупныя капли

дождя. Сверкнула молнія. Грянулъ первый ударъ грома. И легко, легко становится дышать; словно тяжесть какая свалилась. Знаете ли отчего? Во время засухи воздухъ переполняется парами. Солнцемъ грѣетъ кожу все сильнѣе и сильнѣе, и раздражаетъ ее; она выдѣляетъ потъ въ изобиліи; но влаги, паровъ такъ много въ воздухѣ, что потъ не успѣваетъ испаряться; мелкія капельки его сливаются въ крупныя, бѣгутъ струйками по лицу, смачиваютъ одежду, раздражаютъ запыленную кожу. Отъ обилія паровъ дыханіе затрудняется и давитъ грудь какимъ-то гнетомъ.

Охлаждаясь, водяные пузырьки, образующіе тучу, превращаются въ капельки мелкія, мелкія, но тяжелыя какъ вода. Капельки слипаются другъ съ другомъ и падаютъ внизъ, пролетая воздухомъ насыщеннымъ водяными парами, дождевая капля притягиваетъ ихъ; она растетъ, увеличивается по мѣрѣ движенія внизъ; и ничтожная въ тучѣ, падаетъ на землю полной, большой. Такъ что дождевыми каплями воздухъ сушится, освобождается отъ излишка паровъ; и дышать оттого становится легче. Молнія, въ свою очередь, освобождаетъ электричество воздуха, разрѣжаетъ его, и озонируетъ воздухъ, т. е. приводитъ кислородъ въ особое дѣятельное состояніе, въ которомъ онъ называется озономъ. Этотъ озонъ играетъ важную роль въ жизни животныхъ и растеній, дѣйствуя на нихъ возбуждающимъ образомъ.

Долой сапожки, лаптишки, модные ботинки; выше подвернемъ штанишки и юбочки. На улицу—пруды прудить.

Иному степенному господину это смѣшно покажется. Не бѣда. Пусть смѣется нашъ почтенный дѣдушка. Для насъ пруды дѣло не маловажное. Вотъ мы сейчасъ и узнаемъ—откуда взялись овраги на Руси, похожіе на морщинки милого дѣдушки. Первые капли дождя какъ шлепнулись на землю, такъ и ушли въ нее, и слѣдъ ихъ простылъ. Дождикъ прибавляетъ. Капля за каплей, чаще, чаще, сѣкутъ сухую поверхность земли. Зачернѣлась она, трещинъ какъ небывало, размякла, капля каплю догоняетъ и брызги летятъ

въ стороны. Вода остается уже на намокшей землѣ. Капли сливаются въ водяные полушарики. Вотъ одинъ изъ нихъ дулся, дулся, росъ, росъ и ринулся по наклону; пробѣжавъ вершка два, ударился о комочекъ земли, остановился и умаллся. Но, смотрите, онъ снова дуется, растетъ, тихо обогнулъ комочекъ и покатился дальше. Вдругъ шелкъ—столкнулся съ другимъ шарикамъ. Мгновенно братишки обнялись, слились и побѣжали дальше. Пусть бѣгутъ. Оглянемся назадъ. Бѣгъ водянаго полушарика оставилъ на землѣ едва замѣтный слѣдъ. Но дождь не перестаетъ, и по этому слѣду бѣгутъ уже неполушарики, а тонкія, мелкія водяныя струйки. Онѣ строго, неуклонно слѣдуютъ по пути проложенному первыми водяными каплями; ударяются комочки земли; обходятъ ихъ, мечутся изъ стороны въ сторону, падаютъ въ ямки, переполнивъ ихъ, текутъ дальше, сливаются съ другими струйками. И вотъ на улицѣ, изъ всѣхъ этихъ струекъ, образуется ручей, рѣчушка, мутная, пѣнистая, шумящая, быстро мчится она по колеямъ, прыгаетъ по дорогѣ, клокочетъ въ ямкахъ, тащитъ на своихъ волнахъ щепки, солому, всякій соръ и ветошь, что подхватить дорогой. Прудите же поскорѣе наши прудки. Плотина мигомъ готова, вода прибываетъ въ прудочкѣ; выше, выше, вотъ одна струйка побѣжала черезъ плотину, побѣжала тихо, скромно, крадучись, скатилась внизъ. Прозѣвали. Пропалъ вашъ прудъ. Струйка болѣе растетъ, бурлитъ, плотина размыта и прудъ, шумнымъ потокомъ прорвавшись сквозь преграду, бѣжитъ дальше по дорогѣ. Охъ, сколько тутъ хлопотъ босоногимъ мельникамъ! Дождь пересталъ. Проглянуло сквозь нижній край тучи солнышко. Потоки воды слабѣютъ. Пруды держатся крѣпче. Но... немного погода, вода исчезаетъ въ нихъ, уходя въ землю. Довольно, игра кончена. Пойдемъ смотрѣть работу дождевой воды.

Да это просто географическая карта, самая лучшая, самая близкая къ природѣ. Пыльная поверхность дороги покрылась цѣлой системой ручьевъ, рѣчекъ, рѣкъ, озеръ. Дож-

девыя струи проложили эти ручьевыя и рѣчныя ложа, и они вырыли овражки и ямы, они отложили мѣстами цѣлыя пластинки свѣжаго наноса.

Когда земля высохнетъ, слѣдъ ложъ и овражковъ быстро сотрется, вѣтеръ замететъ ихъ пылью, ноги животныхъ затопчутъ наносы, снова все смѣшается. Но работа дождевой капли не пропала. При слѣдующемъ дождѣ, новыя капли, новыя струйки потекутъ прежними путями, онѣ возстановятъ старыя русла и промоютъ ихъ глубже. Третій, четвертый, сотый, тысячный, стотысячный дожди будутъ продолжать эту работу и промоютъ на ровной поверхности водомоины; сбѣгая по покатости по этимъ водомоинкамъ, дождевые потоки сливаются другъ съ другомъ, и наконецъ добѣгаютъ до края равнины, гдѣ она переходитъ въ крутой берегъ рѣчной долины. Достигнувъ этого края, потокъ стремительно падаетъ внизъ по крутому склону, размывая почву подъ собой и унося землю, камни и песокъ на долину. Здѣсь, въ этомъ мѣстѣ склона, вода начинаетъ вырывать оврагъ.

Послѣ cadaго дожда рытвина увеличивается, углубляется, вдается дальше по равнинѣ, уходя все болѣе отъ края ея. Съ ранней весны до осеннихъ заморозковъ идетъ эта работа дождевой воды.

Но неизмѣримо успѣшнѣе идетъ работа надъ углубленіемъ оврага весной. На поляхъ и степяхъ снѣгъ таетъ дружно. Снѣговая вода быстро разбѣжится по старымъ дождевымъ водомоинамъ, сольется въ шумные, мутные потоки. Съ ревомъ и гуломъ падаютъ они въ оврагъ, подмывая его стѣны, особенно въ вершинѣ. Подмытые пласты земли рухаютъ въ яму, вымытую водопадомъ потока, разбиваются на части, размываются и уносятся внизъ по оврагу въ рѣчную долину.

Изъ году въ годъ неустанно работаетъ вода, разрушая почву равнины. Оврагъ удлиняется, вѣтвится отъ боковыхъ потоковъ, дно его углубляется въ землю, прорѣзывая одинъ за другимъ древніе, слоистые наносы почвы, отложенные давно, давно, въ то время еще, когда равнина была дномъ моря.

Наконецъ, дно оврага, углубляясь, дошло до такого слоя почвы, гдѣ находится вода. И вотъ по дну появляются поточинки, мокредины, гдѣ въ самое сухое, бездожное время сочится вода. Болотистыя травы обростають густо эти мѣстности, и ярко блестять они, какъ цвѣтнички, на голомъ днѣ оврага. Пройдутъ еще десятки лѣтъ, дождевыя и снѣговыя воды пророютъ глубже дно оврага—и поточина превратится въ родникъ.

Кто не видѣлъ родники? Кто не любовался ихъ чистой, хрустальной, холодной, какъ ледъ, водой? Кого не занимало отчего вода на днѣ родника клокочетъ, словно кипить, крутя песокъ и камешки? Съ тѣхъ поръ, какъ откроется родникъ, оврагъ или балка пріобрѣтаетъ новое значеніе въ жизни природы и человѣка. Еще не потекъ ручейкомъ родникъ, еще крутится, клокочетъ его вода въ ямкѣ, а кругомъ, по дну, на склонахъ оврага густая, роскошная зелень; обросъ оврагъ и травами, и кустами, и деревьями. Чудная прохлада влажнаго воздуха охватываетъ, оживляетъ, когда въ знойный день, усталый отъ жары и духоты, спустишься въ такой оврагъ. И не одинъ человѣкъ любитъ балки съ крыницами, какъ называютъ родники малороссы. Сюда въ жаркое время слетаются птицы, прибѣгаютъ порой и звѣри напиться холодной воды изъ крыницы. Множество насѣкомыхъ живетъ на травѣ, кустахъ и деревьяхъ оврага, какихъ не встрѣтишь на окрестной степи; много птицъ гнѣздится здѣсь; много звѣрковъ ищетъ убѣжища.

Значеніе оврага еще болѣе возрастаетъ, когда онъ состарится и изъ родничковъ его потечетъ быстрый, шумящій ручей въ ближайшую рѣчку. Чтобъ понять значеніе такихъ ручьевъ, достаточно указать, что огромное большинство рѣчекъ и рѣкъ черноземной области начинаются ручьями въ балкахъ и оврагахъ. Не будь этихъ ручьевъ и страна стала бы бесплодной пустыней, гдѣ трудно бы было жить осѣдлому человѣку-хлѣбопашцу. И ручьями мы обязаны той же дождевой каплѣ, той же снѣжинкѣ, которыя прорыли оврагъ.

Просачиваясь въ землю, дождевая и снѣговая вода уходитъ глубже и глубже въ нее. Но составъ почвы не одинаковъ. Гдѣ бы мы не разрыли землю, всегда почти увидимъ, что она состоитъ изъ слоевъ, налегающихъ одинъ на другой. Пласты эти состоятъ или изъ глины, суглинка, чистаго песка, либо изъ песчаника, мѣла, известняка и другихъ тѣрдыхъ каменныхъ породъ; одни изъ нихъ (песокъ, известнякъ) пропускаютъ воду легко, другіе — (глина) почти вовсе не пропускаютъ ее. Отъ этого-то вода, просочившаяся въ почву, проходитъ насквозь песка и известняка; но останавливается и скопляется въ нихъ, если подъ ними лежитъ глина; а скопившись, лежитъ тамъ сотни, тысячи лѣтъ, пока родникъ не выведетъ ее снова на поверхность земли. И такъ, въ то же время какъ одна дождевая капля уходитъ въ землю, чтобы предаться вѣковому покою въ подземномъ водохранилищѣ, другая—работаетъ, промываетъ оврагъ, чтобъ выручить свою сестру изъ заточенія и снова ввести ее въ великій круговоротъ движущейся живой воды.

Но довольно, выберемъ изъ оврага; мы знаемъ теперь хорошо его происхожденіе, его исторію и значеніе въ природѣ. Мы знаемъ, что овраги и балки, покрывающіе безчисленными морщинами поверхность черноземной равнины, вырыты дождевой и снѣговой водой, вырыты не вдругъ, а въ теченіе длиннаго и очень длиннаго ряда вѣковъ. И это даетъ поводъ думать, что черноземная равнина очень стара, какъ суша; что она гораздо старше сѣверной равнины тайги и южной равнины пустынь, гдѣ нѣтъ такого множества такихъ вѣтвистыхъ и сложныхъ овраговъ съ родниками и ручьями; гдѣ подобные овраги рѣдкость. Дальше мы окончательно убѣдимся въ этомъ.

Модестъ Богдановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

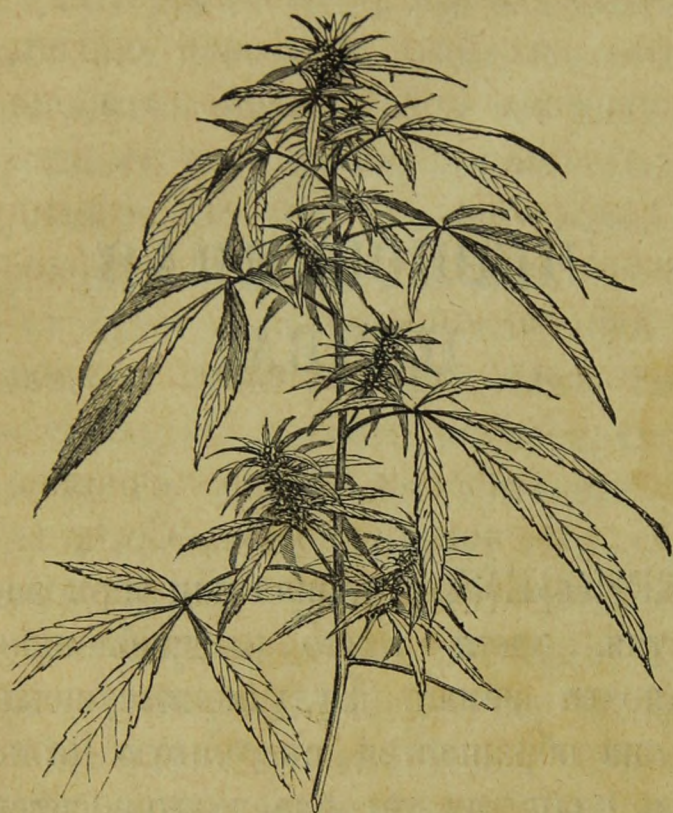

ЧЕРНОЗЕМНАЯ ПОЧВА.

ЧЕРНОЗЕМЪ—черная или черноватая, очень тонко раздробленная почва земли. Будучи высушена, она обращается въ тонкую пыль, и, поднятая вѣтромъ, долго носится по воздуху. Если вы проѣзжаете по черноземной области въ сухое время, эта тонкая пыль обсыплетъ васъ всего и сдѣлаетъ похожимъ на кузнеца; она проникаетъ даже въ хорошо закупоренную поклажу.

Многіе иностранные и русскіе ученые производили микроскопическія наблюденія надъ черноземомъ. Распустивъ въ водѣ кусокъ чернозема и рассмотрѣвъ его подъ микроскопомъ, они увидѣли множество свѣтлыхъ частицъ кремнезема, т. е. мелкаго песку, смѣшаннаго съ бурымъ перегноемъ, такъ называются частицы растеній, находящіяся въ тлѣніи. Во-вторыхъ, въ черноземѣ можно отличить угольно-черныя хлопья и фитолитаріи. Нѣкоторые изъ этихъ фитолитарій—инфузоріи, другіе—наружные кожицы и волоски растеній, въ песчаной оболочкѣ. Различіе между черноземомъ и дерновой почвой

состоить въ томъ, что черноземъ есть толстая черно-окрашенная земля, дерновая же почва менѣе толста и менѣе окрашена. Химическіе анализы дерновой почвы не показываютъ никакихъ особенныхъ различій отъ чернозема: подъ микро-

Конопля.

скопомъ видѣнъ въ ней тотъ же бурый перегной и свѣтлыя кремнистыя частицы, тѣ же фитоли- таріи но въ меньшемъ ко- личествѣ. Не нашли въ дерновой почвѣ только угольно-черныхъ хлопъ- евъ. Образование же пе- регной въ дерновой поч- вѣ происходитъ не отъ превращеній торфа, а подъ вліяніемъ солнеч- ныхъ лучей и различныхъ атмосферныхъ осадковъ, травянистыя части дерна частію истлѣваютъ на

воздухѣ, частію превращаются въ перегной, который вмѣстѣ съ фитоли- таріями просачивается въ почву, и придаетъ ей болѣе или менѣе темную окраску. По всей вѣроятности, точно также образовался и черноземъ. Его образование продолжается и теперь. Угольно же черные хлопья, кото- рыхъ нѣтъ въ дерновой почвѣ и которые находятся въ чер- ноземѣ, вѣроятно, произошли отъ степныхъ пожаровъ.

Слой чернозема обыкновенно имѣетъ глубины отъ одного аршина до двухъ, а иногда и болѣе. Онъ встрѣчается на гребняхъ горъ и холмовъ точно такъ же, какъ на ихъ от- логостяхъ и долинахъ.

Необыкновенное плодородіе чернозема зависитъ отъ мно- гаго. Во-первыхъ, перегной чернозема содержитъ въ себѣ много азота, а чѣмъ болѣе азота въ почвѣ, тѣмъ болѣе въ

зернахъ образуется клейковины, вещества необходимаго для питанія. *) Во-вторыхъ, чрезвычайная рыхлость и сыпучесть чернозема пропускаетъ воду и воздухъ къ самымъ корнямъ и даетъ имъ возможность проростать глубоко. Кромѣ того, подобную почву, не имѣющую камней и грубаго песку, легко вспахивать даже безъ желѣзной оправы на сохѣ. Въ-третьихъ, черноземъ легко нагрѣвается, по своему песчаному свойству и черному цвѣту; вода въ него въ большомъ количествѣ всасываясь, не можетъ сильно испаряться, а потому не скоро высыхаетъ. Вообще черноземъ почва—самая лучшая для пшеницы.

Черноземъ почти исключительно принадлежитъ южной Россіи.

Въ области чернозема не растутъ ели, и южная граница ели совпадаетъ съ сѣвѣрною границею чернозема. Сосна во многихъ мѣстахъ переходитъ сѣвѣрную границу чернозема, но на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растетъ сосна, часто вовсе нѣтъ чернозема. Бѣлая ольха имѣетъ тѣ же южныя границы, какъ и ель. Что же касается до лиственныхъ лѣсовъ, то они хотя и попадаютъ въ черноземной области, но ихъ очень мало. Вообще, черноземная область бѣдна лѣсами. Поэтому ее можно по справедливости назвать степью, такъ какъ степь есть ровная, сухая поверхность безъ деревъ и кустарниковъ. Одни ученые думаютъ, что лѣса въ черноземной полосѣ истреблены номадами, такъ какъ кочевые народы не любятъ лѣсовъ, а любятъ луга. Другіе, напротивъ, полагаютъ, что безлѣсіе степи происходитъ отъ чрезмѣрной сухости почвы, недостатка озеръ, рѣкъ, болотъ и росы. Число дождливыхъ дней въ году въ этой полосѣ едва доходитъ до 80. Съ исчезновеніемъ бѣлой ольхи и ели, въ черноземной области не встрѣчается болѣе голубицы, клюквы, вереска, ивы и т. п. растеній сѣвера, взамѣнъ ихъ появляются степная клубника, полынь, которая на сѣверѣ растетъ рѣдко;

*) Клейковиной называется питательное вещество, имѣющее сходство съ бѣлкомъ.

но преобладающія растенія въ области чернозема—хлѣбные злаки, каковы: пшеница, рожь, овесъ, словомъ, всѣ наши зерновые хлѣба и большая часть кормовыхъ травъ: тимоеева трава, ковыль, плевель, полевица и овсяница.

Ковыль и полевица придаютъ особенный видъ нашимъ южнымъ степямъ.

Полевицы представляютъ густыя, раскидистыя метелки, состоящія изъ самыхъ нѣжныхъ вѣточекъ и блестящихъ чешуекъ крошечныхъ волосковъ своихъ; растутъ онѣ во множествѣ среди нашихъ хлѣбовъ и луговъ. Лѣтомъ, когда онѣ цвѣтутъ, мѣста, ими заросшія, кажутся издали покрытыми блестящимъ пухомъ.

Ковыль—растеніе многолѣтнее, образующее большіе кусты; онъ достигаетъ до полуаршина длины, чрезвычайно тонокъ, гибокъ, и покрытъ мягкимъ пухомъ. Степь, покрытая ковылемъ, еще издали серебрится, потому что малѣйшій вѣтеръ наклоняетъ перья его въ одну сторону, а солнце играетъ на ихъ блестящихъ пушинкахъ.

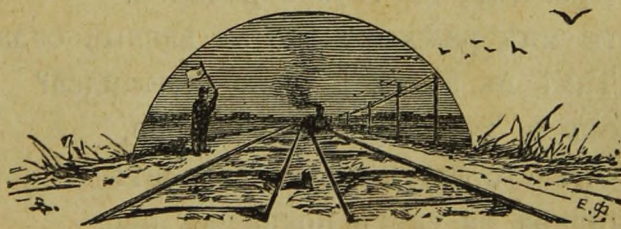
Оба эти растенія, равно какъ тимоеева трава и овсяница, доставляютъ вкусный и питательный кормъ для скота.

Болѣе крупныя злаки, камышъ и тростникъ, украшаютъ берега тихихъ рѣкъ степныхъ или зарощаютъ мелководныя озера болота. Оба эти растенія поднимаются выше человѣческаго роста; у нихъ красивыя, пушистыя метелки съ малиновымъ отливомъ, широкіе, острые листья, толстый, дубчатый стебель, издающій протяжный звукъ при вѣтрѣ. Въ хозяйствѣ они также приносятъ пользу: ими кроютъ крыши, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ топятъ.

Такое огромное количество злаковъ не остается безъ влія-

нія на животныхъ: число видовъ травоядныхъ и зерноядныхъ животныхъ далеко превосходитъ хищныхъ. Черноземныя нивы питаютъ и скрываютъ безчисленное множество грызуновъ: бѣлякъ и русакъ лежатъ въ густой озими, полевые мыши живутъ подъ кочками пашень и подъ снопами, хомяки роютъ длинныя норы, въ глубинѣ которыхъ прячутъ большіе запасы хлѣбныхъ зеренъ. Суслики и байбаки бороздятъ степь, оглашая ее своимъ свистомъ при восходѣ солнца. Вся эта мелочь привлекаетъ множество хищныхъ птицъ, вьющихся съ крикомъ надъ волнующеюся нивою. Путникъ, идущій длинной межою, срывая колосья и васильки, пораженъ трескомъ кузнечиковъ, шелканьемъ перепела, звонкою пѣснью жаворонка, а весною видитъ на поляхъ стаи драхвъ, щиплющихъ озимь. Міръ животныхъ, живущихъ злаками или въ злакахъ, слѣдовательно, обиленъ, нравы ихъ любопытны, и можно сказать, что характеръ этого подвижнаго населенія злаковъ, такъ же какъ и самыхъ этихъ растений, есть скромность: въ тишинѣ накапливаютъ они свои запасы и выкармливаютъ многочисленныхъ птенцовъ, въ тишинѣ роются они подъ землею неусыпно, но наносятъ полямъ огромный вредъ.

* * *

ПѢСНЯ ОБЪ УРОЖАѢ.

Ч АСТЫЙ дождикъ прошелъ, отдохнула земля...

Въ небѣ яркая радуга блещетъ,

Веселѣе кругомъ зеленѣютъ поля,

Оживленнѣе нива трепещетъ.

И шумить и рябить и широкой волной

Теплый вѣтеръ по ней пробѣгаетъ,

Серебристую пыль по полямъ пеленой

Точно первый снѣжокъ растилаетъ.

Хорошо ты теперь, яровое, цвѣтешь...

Еще выше расти, поднимайся...

Колосись, колосись ты, кормилица рожь,

Колосись, наливайся!

* * *

Ты давно-ль поднялась и давно-ль только грачъ,

Пролетая, въ тебѣ хоронился?

Ужъ ты мнѣ Расскажи что за дивный силачъ

Тамъ въ землѣ глубоко притаился?

Западетъ ли къ нему золотое зерно,

Онъ его пріютить да согрѣетъ

И тычинкой на свѣтъ появилось оно:

Чуть замѣтно, а всё-жъ зеленѣетъ!

Миновала пора; вотъ теперь ты цвѣтешь...

Еще выше расти, поднимайся...

Колосись, колосись ты, кормилица-рожь,

Колосись, наливайся!

* * *

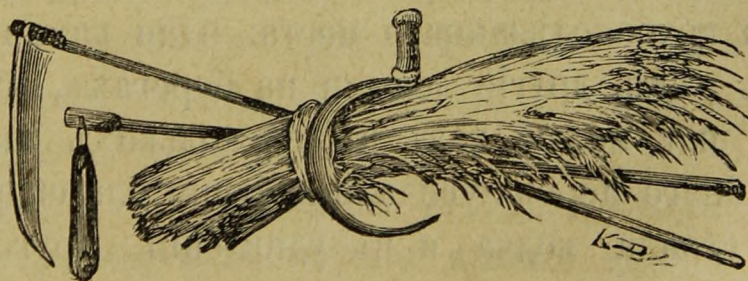
Долго ждалъ я тебя, да не даромъ и ждалъ,
 Ахъ, и дождикъ и вѣдро сегодня!
 Вышло солнце и лучъ по тебѣ заигралъ,
 Ты зардѣлась, какъ риза Господня!
 Въ голубой высотѣ голоса и кружатъ
 Беззаботныя птицы роями,
 А колосья, вокругъ разливаясь, шумятъ
 И заводятъ бесѣду съ лучами.
 Отвѣчаютъ лучи: „ты растешь и цвѣтешь...
 Еще выше расти, поднимайся,
 Колосись, колосись ты, кормилица рожь,
 Колосись, наливайся!“

* * *

Богъ хранить, у меня нѣтъ заботы въ дому...
 У другаго-жъ семейство и дѣти...
 Голодъ-врагъ... на кого не надѣнетъ суму?
 Да! подъ властью его всё на свѣтѣ!
 Хоть могучъ и упрямъ человѣческій трудъ
 И съ тяжелыми нуждами спорить,
 А того, можетъ быть, никогда не найдутъ,
 Кто торжественно голодъ поборетъ...
 Но осилишь и ты, если намъ принесешь
 Урожай... такъ расти, поднимайся,
 Колосись, колосись ты, кормилица рожь,
 Колосись, наливайся!

Н. Лановъ.

2 іюня 1882 г.
 с. Никольское.

КОРАЛЛОВЫЙ ОСТРОВЪ НА ТИХОМЪ ОКЕАНѢ.

АГЕ! воскликнулъ онъ; это нѣчто въ родѣ просѣки. Здѣсь уже дѣйствовалъ топоръ. Взгляните-ка на эти пни.

Мы стали разсматривать ихъ и дѣйствительно увидали, что деревья срублены, а пни и отломанныя вѣтви должно быть оставлены уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Никакихъ человѣческихъ слѣдовъ не было видно ни на тропинкѣ, ни въ кустахъ, но слѣды кошки встрѣчались всюду. Мы рѣшили прослѣдить тропинку, а Петеркинъ спустилъ кошку, но она казалась такъ слаба и такъ жалобно мяукала, что онъ снова взялъ ее на руки, гдѣ она черезъ нѣсколько минутъ а уснула.

Срубленные деревья стали встрѣчаться чаще и тропинка потянулась по берегамъ рѣки. Вдругъ мы увидали слѣды грубо сдѣланнаго моста: одни камни были разбросаны въ рѣкѣ, другіе лежали на берегахъ, обросшіе мохомъ. Мы шли молча, какъ въ нѣсколькихъ шагахъ подъ тѣнью хлѣбнаго дерева увидали избушку или скорѣе домикъ. Мы долго стояли молча и въ удивленіи, кругомъ царила глубокая тишина, когда мы заговорили, то заговорили шепотомъ, какъ бы подъ вліяніемъ суетнаго страха.

Избушка или домикъ отличалась крайней простотой постройки. Она была аршинъ шести ширины и аршина четыре

вышины, съ однимъ окномъ, въ которомъ быть можетъ когда-то было и стекло. Дверь изъ досокъ была низка, а кровля покрыта кокосовыми орѣхами и листьями смоковницы, вся обросшая мохомъ и плесенью. Все строеніе держалось, по-видимому, только благодаря вьющимся растеніямъ и вѣтвямъ, покрывшимъ ее въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ запустѣнія. Густыя роскошныя вѣтви хлѣбнаго дерева и другихъ деревьевъ раскидывались надъ хижиной и бросали мрачную тѣнь. Мы разговаривали шепотомъ объ этомъ странномъ жилищѣ прежде нежели рѣшились подойти къ нему, а когда подошли, то почувствовали сильное смущеніе.

Джекъ пробовалъ заглянуть въ окошко, но благодаря глубокой тѣни деревьевъ не могъ ясно различать предметовъ. Тогда мы отодвинули задвижку и открыли дверь. Задвижка была желѣзная и заржавѣла какъ и петли, которыя заскрипѣли когда дверь открылась. Мы вошли въ домикъ. Въ комнатѣ не было никакой утвари кромѣ маленькой деревянной скамейки и желѣзнаго горшка. Въ отдаленномъ углу стояла низенькая кровать, на которой лежало два скелета, покрытые пылью. Съ замирающимъ сердцемъ подвинулись мы къ нимъ. Одинъ изъ нихъ былъ скелетъ человѣка, второй—собаки, собака лежала, положивъ голову къ нему на грудь.

Мы едва могли удержаться отъ слезъ при видѣ этихъ печальныхъ останковъ. Черезъ нѣсколько времени мы начали разговаривать, разсматривать избу и искать разгадку исторіи человѣка, умершаго въ одиночествѣ, смерть котораго было некому оплакать кромѣ кошки и вѣрной собаки. Но кромѣ остатковъ бѣдной одежды и стараго топора, не нашли ни книги, ни клочка бумаги.

Быть можетъ и насъ ждетъ такая же участь, думали мы, если насъ не спасетъ посѣщеніе какого нибудь судна или прибытіе туземцевъ. Не зная чѣмъ объяснить присутствіе человѣка въ такой уединенной мѣстности, мы пустились въ разныя предположенія. Я думалъ, что это морякъ спасшійся только съ собакой и кошкой. Джекъ предполагалъ,

что онъ убѣжалъ съ своего судна и взялъ съ собой собаку и кошку для компаніи.

— Вотъ, вещица, полезная намъ, вскрикнулъ вдругъ Петеркинъ.

— Что такое? сказалъ Джекъ.

— Старый пистолетъ, отвѣтилъ онъ, поднявъ оружіе, вытащенное имъ изъ беремя нарубленныхъ дровъ и сора въ углу.

— Дѣйствительно пистолетъ могъ бы быть намъ полезенъ, сказалъ Джекъ, осматривая его, если бы у насъ былъ порохъ; но теперь лукъ и праща полезнѣе.

— Правда, я и позабылъ о порохѣ, сказалъ Петеркинъ, все-таки возьмемъ его съ собою, пригодится.

Проведя болѣе часа въ этомъ мѣстѣ и не найдя ничего болѣе интереснаго, мы готовились уйти, Петеркинъ взялъ кошку, мирно спавшую на скамеечкѣ. Выходя изъ избушки, Джекъ задѣлъ за дверной косякъ, косякъ чуть не треснулъ, и вся избушка едва не рухнула. Это навело насъ на мысль обрушить ее. Джекъ взялъ топоръ, подрубилъ избу и изъ развалинъ образовался памятникъ надъ прахомъ ея бѣднаго владѣльца и его собаки. Оставляя это мѣсто, мы унесли съ собою желѣзный горшокъ, пистолетъ и топоръ.

Продолжая наше путешествіе, мы осмотрѣли другой конецъ большой долины, онъ былъ точно такой же какъ и остальные мѣстности. Наше бодрое, веселое настроеніе вернулось только тогда, когда мы поздно вечеромъ пришли въ свое жилище. Тамъ мы нашли все въ такомъ же положеніи, въ какомъ и оставили его три дня тому назадъ.

XII.

Что-то неладное съ водоемомъ.—Умъ Джека и дерзость Петеркина.—Удивительное поведеніе краба. — Добрыя пожеланія тѣмъ, кто живетъ вдали отъ моря.— Джекъ начинаетъ строить маленькую лодку.

Отдыхъ пріятенъ для тѣла и для ума. Мы нуждались въ отдыхѣ и нашли его необыкновенно пріятнымъ

послѣ утомительнаго путешествія, которое было хотя и не продолжительно, но такъ быстро, что мы чувствовали сильную физическую усталость. А отъ разныхъ впечатлѣній утомились и духомъ, до того, что когда возвратились подъ свой кровъ, то тотчасъ же заснули глубокимъ сномъ, и проспали не только что всю ночь, но и весь слѣдующій день, безъ просыпа. Когда же проснулись, солнце закатывалось. Мы поднялись только чтобы немного поѣсть, какъ снова заснули отъ усталости, и встали освѣженные сномъ. Но очень встревожились, что потеряли счетъ днямъ, который тщательно вели, чтобы помнить воскресенье, свято чтимое; поразмысливъ хорошенько, сообразили сколько времени проспали, успокоились и поспѣшили въ нашъ подводный садъ, чтобы насладиться ванной и увидѣть какъ поживаютъ животныя, которыхъ помѣстилъ я въ водоемъ. Мы нашли подводный садъ очаровательнѣй, прозрачнѣй и привлекательнѣй, чѣмъ когда нибудь, Джекъ и я погрузились въ глубину, а Петеркинъ болтался на поверхности. Одѣвши, я поспѣшилъ къ моему акваріуму, но какъ удивился и огорчился, увидавъ, что почти всѣ животныя погибли и не могъ понять отчего все это произошло.

— Ахъ ты чудакъ! сказалъ Петеркинъ. Рыбы привыкли жить въ Тихомъ океанѣ, а ты вообразилъ, что онѣ будутъ существовать въ такой норѣ какъ твой акваріумъ.

— Петеркинъ, возразилъ я, повидимому ты правъ, но кажется не совсѣмъ и только что сталъ доказывать ему почему, какъ онъ крикнулъ:—Джекъ! поди сюда, мой милый! Ральфъ философствуетъ, я ничего непонимаю, помоги!

— Что случилось? спросилъ Джекъ, подходя, отряхавъ съ волосъ воду и отирая ихъ полотенцемъ изъ кокосовой ткани.

Я повторилъ мои соображенія Джеку, который къ моему величайшему удовольствію согласился со мною.

— Подумаешь хорошенько, Джекъ сказалъ, самый вѣрный способъ устроить акваріумъ, это подражать океану.

Сдѣлай изъ него Тихій океанъ въ миниатюрѣ и добьешься успѣха.

— Вѣрно, замѣтилъ я въ раздумѣ, но боюсь затрудненія.

— Въ чемъ же затрудненія, вскричалъ Джекъ, свертывая свое полотенце въ комокъ и бросая его въ лицо Петеркина, который строилъ ему разныя гримасы. Нѣтъ никакого затрудненія. Въ морѣ есть вода съ извѣстной долей соли, ну наполни твой водоемъ морской водой и поддержи въ ней эту долю солености. Когда вода немного испарится, влей свѣжей воды изъ ручья и все пойдетъ отлично, соль же не испаряется съ водою. Кромѣ того въ морѣ множество водорослей—ну возьми одну или двѣ водоросли и положи ихъ въ свой водоемъ. Конечно водоросли должны быть свѣжія и приросшія къ маленькимъ камнямъ, если хочешь, то можешь бросить немного песку и камней въ твой водоемъ и дѣло въ шляпѣ.

— Нѣтъ, не совсѣмъ, сказалъ Петеркинъ, который серьезно прислушивался къ этому совѣту, прежде нежели мы согласимся съ тобою, намъ придется осмотрѣть водоемъ хорошенько. Посмотри-ка, Ральфъ, что дѣлается съ однимъ изъ твоихъ крабовъ. Онъ сбрасываетъ съ себя сюртукъ прежде, чѣмъ лечь спать!

Мы быстро нагнулись надъ водоемомъ и были поражены поведеніемъ одного изъ крабовъ, пережившаго своихъ товарищей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ обыкновенныхъ мелкихъ крабовъ, которые встрѣчаются вездѣ на берегахъ Англіи. Глядя на него, мы замѣтили, что его шкурка лопается на брюхѣ и изъ образовавшейся расщелины вышелъ мягкій комокъ, комокъ двигался, корчился, увеличивался въ объемъ и оказались ножки краба, за ножками послѣдовало туловище, и наконецъ цѣликомъ крабъ, точно сбросившій съ себя шкурку.

Мы были еще болѣе поражены, замѣтивши, что новый крабъ былъ больше того, изъ котораго вылѣзъ, а къ слѣдующему утру и шкурка его совсѣмъ отвердѣла.

Относительно моего водоема я больше и больше находилъ, что совѣтъ Джека заслуживалъ вниманія, тотчасъ выполнилъ его планъ и послѣ небольшого опыта научился какое количество водорослей и животныхъ класть въ воду, а за водоемомъ не было и надобности дальнѣйшаго ухода, я только подбавлялъ иногда немного прѣсной воды изъ ручья, когда морская вода испарялась. При помощи зажигательнаго стекла я внимательно наблюдалъ дѣйствія, которыя совершались въ моемъ водоемѣ, между тѣмъ, какъ Петеркинъ и Джекъ усордно занимались постройкой маленькой лодки изъ странныхъ досокъ каштановаго дерева. Тутъ я увидѣлъ морскіе анемоны, которые въ видѣ шарообразнаго студения краснаго, желтаго и зеленаго цвѣта цѣпляются за скалы множествомъ щупалецъ и какъ только маленькая рыбка или какой нибудь полипъ неосторожно коснется ихъ, то и поглощаютъ ихъ. Тутъ я видѣлъ непрерывную дѣятельность и маленькихъ коралловыхъ полиповъ, которые создали обширныя скалы острововъ Тихаго океана и окружили ихъ громадными рифами. Я замѣтилъ, что многіе изъ этихъ полиповъ были очень красивы, выступая изъ своихъ норокъ въ формѣ лучистыхъ звѣздочекъ. Видѣлъ и тѣхъ крабовъ, у которыхъ передняя часть тѣла покрыта скорлупой, а замѣчательно нѣжный хвостъ голый, видѣлъ какъ они, чтобы защитить этотъ хвостикъ, прячутъ его въ пустыя скорлупы трубянокъ или другихъ раковинъ. Кромѣ нихъ замѣтилъ въ акваріумѣ много и другихъ крошечныхъ животныхъ.

ХІІІ.

Брызжущія скалы.—Объясненіе зеленаго чудовища.—Ужасъ при предположеніи что Джекъ утонулъ.—Алмазная пещера.

— Ну, Джекъ, сказалъ однажды Петеркинъ, недѣли черезъ три послѣ нашей длинной экскурсіи, повеселимся-ка сегодня и займемся чѣмъ нибудь порядочнымъ, мнѣ ужъ на-

скучило рубить, строгать, пилить и подпиливать нашу маленькую лодку, которую, повидимому, такъ же трудно сдѣлать какъ и Ноевъ ковчегъ, сдѣлаемъ экскурсію на вершину горы, поохотимся за дикими утками или сдѣлаемъ нападеніе на свиней. Мнѣ надо развлечься, встряхнуться! Что ты скажешь на это?

— Ну, сказалъ Джекъ, кидая свой топоръ, съ которымъ направлялся къ лодкѣ, я совѣтую сдѣлать экскурсію къ тифонамъ, послѣдній изъ которыхъ подбросилъ тебя на значительную вышину, можетъ быть слѣдующій подброситъ еще выше.

— Господа, сказалъ я, вѣдь мы еще не объяснили себѣ, что это за интересное явленіе, которое видѣли близъ тифоновъ во время нашего путешествія вокругъ острова. Не отправиться ли намъ туда?

— Отлично, отправимся къ тифонамъ, воскликнулъ Джекъ. Порѣшивъ изслѣдовать это дѣло, мы, взявши свои орудія, быстро отправились къ брызжущимъ скаламъ, тамъ спустившись на край скаль и взглянувши на море, ясно увидѣли тотъ же блѣдно-зеленый предметъ, медленно двигающій хвостомъ.

— Странно! сказалъ Джекъ.

Петеркинъ взялъ копье, продержалъ его съ секунду надъ головой и пустилъ въ море какъ стрѣлу. Копье вонзилось въ средину зеленого предмета, пронизало его насквозь, и тотчасъ всплыло наверхъ, а зеленый предметъ оставался все тотъ же, таинственный хвостъ двигался спокойно какъ и прежде.

— Я увѣренъ, сказалъ Джекъ, что это просто фосфорическій свѣтъ, но дивлюсь, что вижу его на одномъ и томъ же мѣстѣ.

— Я думалъ то же. Такъ какъ теперь мы увѣрены, что это не акула, то можно туда нырнуть.

— Конечно, сказалъ Джекъ, сбрасывая свое платье, сложилъ руки надъ головой, наклонился, и бросился въ море. Пѣна

скрыла его отъ нашихъ глазъ, когда же море стихло, мы увидѣли его плывущимъ среди зеленаго предмета. Вдругъ онъ опустился подъ зеленый предметъ и исчезъ у насъ изъ виду. Мы тревожно глядѣли на то мѣсто, гдѣ онъ скрылся, надѣясь, что опять выплыветъ. Но прошло еще минуты двѣ и душа моя переполнилась тревогой, я вспомнилъ, что онъ никогда не оставался подъ водою долѣе минуты.

— О, Петеркинъ! сказалъ я дрожащимъ голосомъ, что-то случилось, онъ подъ водою болѣе трехъ минутъ! Петеркинъ не отвѣчалъ но я замѣтилъ, что онъ смотритъ тревожно въ воду и лицо его покрылось смертельной блѣдностью. Вдругъ онъ вскочилъ на ноги и ломая руки закричалъ: о Джекъ, Джекъ! онъ погибъ! Это должно быть была акула, онъ погибъ!

— Ральфъ! Ральфъ! быть можетъ онъ лишился чувствъ. Нырни-ка за нимъ, Ральфъ!

Въ одно мгновенье я бросился на край скалы и готовился уже кинуться въ волны, не раздѣваясь, какъ замѣтилъ что-то черное, выплывающее изъ зеленаго предмета. Черезъ минуту показался Джекъ, стряхивая пѣну съ своихъ кудрей по обыкновению, мы обрадовались и удивились, что онъ цѣль и невредимъ, проведя десять минутъ подъ водою. Какъ только Джекъ добрался до скалъ и усѣлся на одну изъ нихъ, задыхаясь, Петеркинъ обвилъ руками его шею и разразился слезами.—О, Джекъ, Джекъ! говорилъ онъ, гдѣ ты былъ? Что такъ долго?

— Ну, ребята, отвѣчалъ Джекъ, когда мы успокоились на столько, что могли выслушать его, этотъ зеленый предметъ не акула, а потокъ свѣта, изливающейся изъ пещеры находящейся въ откосѣ скалы. Только что я нырнулъ, какъ замѣтилъ, что этотъ свѣтъ выходилъ изъ той скалы, на которой мы теперь сидимъ, я туда направился и увидѣлъ отверстіе, ведущее въ такое мѣсто, которое было освѣщено внутри. Я остановился на минуту, потомъ рѣшился и бросился въ него.

Сначала я почти ничего не могъ разсмотрѣть, такъ темно

было вокругъ меня, но постепенно мои глаза привыкли къ мраку и я увидѣлъ себя въ большой пещерѣ, со стѣнами, и на потолкѣ которой различилъ какіе-то красивые, блестящіе предметы, но отдаленный конецъ пещеры былъ окутанъ мракомъ. Въ то время какъ я оглядывалъ все съ удивленіемъ, мнѣ пришло въ голову, что вы тревожитесь, нырнулъ внизъ и всплылъ на поверхность, вотъ я и тутъ!

Когда Джекъ окончилъ свой рассказъ объ удивительной пещерѣ, я не могъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока мы не рѣшили вмѣстѣ осмотрѣть пещеру, Петеркинъ сидѣлъ унылый и мрачный.

— Что съ тобою, Петеркинъ? спросилъ я.

— Что со мною? возразилъ онъ. Вамъ хорошо разсуждать о чудесахъ пещеры какъ двумъ русалкамъ, а мнѣ остается только слушать.

— Если бы ты согласился не шевелиться, сказалъ я, мы бы тебя взяли съ собою на десять секундъ.

— Гмъ! возразилъ Петеркинъ, предположимъ, что саламандра предложила бы вамъ только не шевелиться и продержала бы васъ нѣсколько секундъ среди пламени, что бы вы сказали на это?

Мы разсмѣялись и покачали головой, было очевидно, что Петеркинъ въ водѣ никуда не годится, но мы не могли успокоиться пока не разсмотрѣли пещеры и послѣ дальнѣйшихъ совѣщаній Джекъ и я рѣшились попробовать взять съ собою факель и зажечь его въ пещерѣ. Мы сдѣлали факель изъ коры одного дерева, которую разрѣзали на полосы ножомъ, сплели эти полосы и склеили ихъ чѣмъ-то въ родѣ смолы или клея, который добыли изъ другаго дерева, названья этихъ двухъ деревьевъ не были извѣстны Джеку. Этотъ факель мы обвернули кокосовою тканью, чтобы онъ не промокъ пока пробудетъ подъ водою. Кромѣ факела взяли небольшой кусокъ трута на случай надобности, да немного сѣна и всю связку завернули въ кокосовую ткань. Когда все было готово, мы раздѣлись.

— Ну, не тужи о насъ, Петеркинъ, если мы пропадемъ на нѣсколько времени, сказалъ Джекъ, но непременно вернемся черезъ полчаса самое позднее, какъ бы интересна не была пещера, чтобы успокоить тебя.

— Прощайте! сказалъ Петеркинъ, подходя къ намъ съ притворной торжественностью, пожимая намъ руки и обнимая насъ. Прощайте! пока вы будете нырять, я буду расправлять мои усталые члены и размышлять о непрочности всего земнаго. Сказавъ это, Петеркинъ махнулъ рукою и бросился на земь съ взглядомъ печальной покорности судьбѣ. Мы разсмѣялись и разомъ со скаль бросились въ море головой впередъ.

Достигнувши внутренности подводной пещеры, мы нѣсколько времени шагали въ водѣ, держа узлы надъ головами, и добравшись до откоса скалы, благополучно высадились и начали зажигать факель. Какъ только факель вспыхнулъ, мы онѣмѣли при видѣ удивительныхъ предметовъ, представшихъ нашему взору. Потолокъ пещеры былъ около десяти футовъ вышины и становился все выше по мѣрѣ углубленія. Пещера, казалось, была сдѣлана изъ коралла и поддерживалась массивными колоннами изъ того же вещества. Громадныя ледяныя сосульки (какъ это намъ казалось) свѣшивались во многихъ мѣстахъ. Оказалось, что онѣ состояли не изъ льда, а изъ рода известняка, который проникалъ туда въ жидкомъ видѣ и въ пещерѣ отвердѣвалъ, мы поняли, что такъ образовались и колонны, которыя съ перваго взгляда показались намъ дѣломъ рукъ архитектора. Двигаясь далѣе, мы увидѣли что полъ изъ того же матеріала какъ и колонны и на немъ странную рябь, точно на водѣ во время легкаго вѣтерка. Въ стѣнахъ по обѣимъ сторонамъ было много отверстій, которыя, казалось, вели въ другія пещеры. Мы замѣтили на потолкѣ странные знаки, напоминающіе фрески на сводахъ собора, а стѣны такъ же какъ и потолокъ искрились при свѣтѣ факела и сверкали точно осыпанные драгоценными камнями. Хотя мы прошли довольно далеко, но

конца пещеры еще не было видно. А такъ какъ нашъ факель почти догорѣлъ, то и должны были вернуться. Близъ входа въ пещеру стояла громадная масса чистой, бѣлой коралловой скалы, улавливающая и отражавшая тотъ свѣтъ, который черезъ отверстіе пещеры производилъ по нашимъ предположеніямъ тотъ блѣдно-зеленый предметъ, обратившій наше вниманіе въ началѣ. Когда я подумалъ о величественномъ куполѣ и безчисленныхъ драгоцѣнныхъ камняхъ, сверкавшихъ при свѣтѣ факела нѣсколько минутъ назадъ, то показалось мнѣ странно, что природа создаетъ такіе удивительно прелестные уголки, доступные только случайнымъ посѣтителямъ, какъ мы.

Впослѣдствіи я узналъ, что такихъ пещеръ много на островахъ Тихаго океана и что нѣкоторыя изъ нихъ больше и лучше той, которую я только что описалъ.

— Ну, Ральфъ, готовъ ли ты? спросилъ Джекъ такимъ голосомъ, который казался отдавался вверху въ куполъ пещеры.

— Готовъ.

— Такъ идемъ! сказалъ онъ и спрыгнулъ съ края скалы въ воду. Черезъ нѣсколько секундъ мы уже были на верху скалъ и принимали поздравленія нашего друга Петеркина.

А. С—ва.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За перемѣну адреса уплачивается 50 коп.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Съ 1-го іюня по 1-е сентября, редакція покорнѣйше проситъ вновь поступающихъ подписчиковъ, какъ городскихъ, такъ и иногородныхъ, обращаться съ своими требованіями исключительно въ Петербургъ, въ книжный магазинъ А. И. Бортневскаго, уголъ Троицкаго и Графскаго пер., а также всѣ требованія и справки, касающіяся полученія журнала, адресовать на вышесказанный магазинъ.

Контора редакціи, какъ для личныхъ объясненій, такъ и по всѣмъ прочимъ дѣламъ редакціи, помѣщается въ Малой Подъяческой, домъ № 4, кварт. № 16.

Въ виду многочисленныхъ жалобъ гг. подписчиковъ на неисправную доставку журнала „ИГРУШЕЧКА“, происшедшую, какъ въ томъ убѣдилась редакція, отъ неудовлетворительности прежняго порядка разсылки журнала, въ настоящее время измѣненнаго, редакція покорнѣйше проситъ всѣхъ гг. подписчиковъ, не получающихъ своевременно №№ журнала, не отказать вновь сообщить свои адреса, съ обозначеніемъ ближайшей почтовой конторы, для общей проверки адресовъ, во избѣжаніе возможности дальнѣйшей неисправности въ этомъ отношеніи.

Редакторъ-издательница Т. П. Пассекъ.

КУКУШКИНЫ СЛЕЗКИ.
(Растеніе очень распространенное).

Редакторъ-издательница Т. ПАСЕКЪ.

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 19 іюня 1882 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.